

Содержание

Предисловие	6
Старый апокриф	7
Церковные бесы	12
Мамонт	15
Их не запугать адом (Как сын блудницы...)	18
Крещение Руси. Версия православная	29
Русь прижмет тебя к сердцу...	34
Черная	37
Волчий рунопевец	40
Убаюкай вас море...	45
У тебя своя доля	50
Родства не помнящий	52
Миротворец	54
Солдатский ангел	59
Ведьма	61
Хвост	67
Большое слово	70
Сказание о счастье	75
Творец	84
Память	89
Черный	91
Наставление детям о том, как отличать людей	93
Мертвые волчата	95
Дурни рыночные	101
Выборг	103
Пожалейте свою репутацию!	108
Беги, Пилад!	117
Прости меня	120
Остаться человеком	124

Немного о лопате	152
Дай нам толику цареградской славы	155
Покуда стоят алтари	158
Оставим людям маленькую радость	161
Рэндом	163
Беды ничто не предвещало...	167
Казнили героев	171
И кликнули	175
Мы забыли, кто такие фашисты	180
Заградотряд	181
Это наш дом	185
Бабье царство	190
Копье судьбы	201
А я – злой	208
Блаженный народ	214
Когда из храма уходят люди	226
Ученик	230
Родноверы	231
Блокадные скифы	235
Символ веры	243
Как жаль, что мы выросли (Набросок)	248
Кто говорит, что боги богаты	249
Хазарин (Сказка Маяцкого городища)	252
Убить кабана	254
Змеи	280
Дрова	285
Мы называли его – Человек...	288
Дом	298
Лори (На основе моего сна)	301
Сказание о слове	307
Ад – это вода	311

О русских	327
Смерть	329
Наследники	330
Рождение язычника. Обряд	331
Восточные мотивы	332
Скифская колыбельная	333
Православная наша духовность	335
Липовая Лайма	336
Сестры	337
Нож отца да янтарик матери	338
Дедушка, спой	339
Новгородский торг	341
Совет старого ушкуйника (полушутейное)	342
Беломорье	343
Корочуновский пушкарь	344
Из прошлого	345
Безымянная битва	347
Птичьи сыны	348
Былина	348
Из печи	350
1387	351
Кудеяр	352
Я не торгую	354
Стали	355
Из стихотворного диалога на тему Латвии	356
Задержались нынче гости	358
Время по кругу	358
Сказ о падении Господина Великого Новгорода	360
Такие звезды	361
Послесловие	362

Предисловие

Через времена и эпохи, через народы и страны, среди людей и животных, среди живых и мертвых, меж богов и смертных, в стихах, сказках, притча – я ищу ЧЕЛОВЕКА. Того самого человека, каким желал бы его видеть бог, создававший людей. Такого, о котором мечтали издревле люди, о котором разводили пустые споры философы. Человека, воплотившего человечность – все те людские качества, которые делали бы его настоящим венцом природы, настоящим богом, облаченным в смертную плоть.

Человечность рассеяна... Между богов и смертных, среди живых и умерших, у людей и животных... Раскидана мелким крошечком по народам и странам, по временам и эпохам... И где-то больше ее, где-то меньше, а где-то – совсем нет. Зато везде за людьми идет БЕСЧЕЛОВЕЧНОСТЬ. Она – плесень на хлебе человечности, обратившая его в яд. Это человечность, глумлением и безумием вывернутая наизнанку, и теперь лишь отвращающая людей гноем своей души. Это – нечто, в самой сути которого нет и не может быть ни малейших следов человечности.

Человечность неудобна, непонятна, невыгодна, но она – единственная норма, при которой люди не стремятся пожрать друг друга и уничтожить окружающий мир. Бесчеловечность – удобна, всем понятна, и выгодна. Потому большинство людей раз за разом выбирает ее.

И все же – я ищу ЧЕЛОВЕКА.

Старый апокриф

Летом 2011 года, в ответ на протесты народа России против клерикализации светского государства, активист движения «Святая Русь» Иван Отраковский заявил о создании «православных патрулей», призванных, якобы, отвечать за безопасность церквей и священников.

В ответ на это глава Московской Хельсинской группы Людмила Алексеева предложила создать в РФ атеистические дружины. «Алексеева предложила создать атеистические дружины, - написал в своем Twitter Rogozin - церкви вновь решили грабить и взрывать? Решили потряхнуть стариной?».

– Ванька невесел, голову повесил! Голове неймется, звать – веревка жметя!

Кузька-весельчак скоморошничает, и так и этак Ваньку задевает. Не поймешь – то ли растормошить унылого хочет, то ли над горем его потешается.

Губач Кузьке вторит – на варгане подыгрывает.

– И чего разгальделися, татюшки? Не в промысел же идти, спать этой ночью положено.

Кузька подскочил, голове престарелому с печи слезть помог:

– Да вот, ватаманушка, мы как церковь подмели, так Ванька все и переживает. Против Бога, говорит, пошли. У самого Христа деньги отняли. Разве на татьбу сейчас Ванька пригоден? Уж как бы он прямо тут не удавился!

Подошел старик. Ванька на него безумным взглядом с лавки глянул, да снова голову уронил. Борода сивая на грудь упала, крестик медный накрыла.

Положил старый вор ему на голову свою руку, взъерошил по-отечески кудлатые волосы...

– Молод ты Ванька. Многого еще в жизни не видел. Себя сейчас терзаешь, а не знаешь, что без вины.

Сел старый вор на лавку. Кузька с Губачом поближе пересели: почуяли воровским своим нутром, что учить их сейчас будут.

Пальцы стариковские до лучинушки дотянулись, отгорелую щепь в бадью бросили, новую от угля печного запалили, да на вилы поставили.

– Помните ли, ребяташки, что в Священном писании сказано? Будто не одного Иисуса Христа в страстную пятницу на кресте подымали, а было ошую да одесную от него по разбойнику. Отчего так, ребяташки? Не апостолы с ним рядом, коих он закону Божию учил, а воры, что он знать и не должен? Уж не знаю я, как попы долгогривые вам расскажут, а я скажу, что от дедов наших передавалося.

Помолчал старик. Вспоминал ли дедов-рассказчиков, слова ли в голове обкатывал, али просто жалел Христа распятого.

– Жили в земле Палестинской два брата-разбойника – Дисмас да Гестас. Лихие были... К артелям не прибивались, сами ночами промышляли. Единым часом жили, от того не словить их было: туда бежали после дела, куда стража Пилатова ни за что за ними бы не пошла. Да... Добро в клады не пускали – все по кружалам оставляли. «К чему, говорили, нам добро, коли дома нет, а детей не будет?» Так и жили... Затеяли один раз церковь ограбить. Ключ заранее подобрали, да спознали, когда сторож спать ложится. Выбрали ночку потемнее, да на дело пошли. У самой церкви натолкнулись на странника. А странником тем был сам Иисус Христос. Ну, да они его же не спознали, где там... Он им и говорит: не помочь ли вам чем, до-

брые люди? А воры смеются. Да, говорят, помоги: мы мешки из старого дома выносить будем, а ты из окна их принимай. Сами зубоскалят, а ведь Христос-то мысли их все до единой видит. Однако, говорит, согласен. Чего бы, говорит, доброму делу не помочь? Так и работали: Дисмас по церкви добро в мешки собирает, Гестас мешки до окна носит, а сам Господь те мешки подхватывает. Унесли добычу в схрон, а тут Христос им и открылся. Рассказал, что он – Бога любимый сын, до поры по земле ходит, людей слову Божьему учит да исцеляет, а срок выйдет – за грехи мира умрет на кресте. Гестас смеется – ему все шуткой кажется, а Дисмасу жалко – добрый человек, а так спокойно о своей смерти говорит. И спрашивают Христа воры: а не беда ли в том, что мы церковь отца твоего ограбили, коли ты – божий сын? А тот рукой отмахнулся. Да, говорит, какая там беда? Человек, как в церковь придет – Бога должен видеть, а как он его увидит, если глаза его с шелка на золото перебегают от дива? Люди, говорит, к Богу должны идти, о земном не думая, а как дорогу такую увидишь, коли поп божьим именем себе мзду требует? Сам Дьявол придумал церкви богатыми делать, да попов на златолюбие толкает. Та церковь, говорит, что богата, та не Божова, а попова, аль еще хуже – дьяволова, где на золотых тельцов люди молятся, а о Боге не думают. Приздумались воры, а Христос уж уходить наладился. Лишь на прощаньице завещал – трудовой народ не грабить, сирот, стариков да вдов не обижать. У них, говорил, копейка трудовая, их копейками сыты не будете, а горя и себе и бедным добавьте. А благословлял он братьев на иное дело. Купцов, бояр, царей, говорил, грабьте спокойнехонько: у тех богатство все само награблено, обманом да выморочью собранное. У вора украсть – не грех, а наука. А коль церковь, говорил, попадетса, так сами смотрите: бедную не трогайте, она как одежда моя, хоть дырявая да божова, а богатую увидите – так смело берите, самого дьявола во славу божию посрамите. Так сказал да ушел...

Помолчал старик. Воры сидели, через раз дыша: со слов ватаманушки будто самого Христа увидали.

– Гестас-то все смеялся, жил по-прежнему Бога не ведая, а вот Дисмас о Христе и его завете часто задумывался. И вот стало так, что у бедной церкви заспорили братья: Гестас хотел и ее обчистить. Говорил, что из копеек рубль складывается. А Дисмас упирался – слова Христовы напоминал. Тут-то их стража за спором и взяла. А какое тогда ворах наказание? На кресте распятие. Прибили за руки да за ноги братьев к доскам, подняли на лобном месте. А меж ними – еще один крест. Смотрят братья – а там их встречник давешний висит, совсем избитый. Сам Иисус Христос. Гестас в Бога всю жизнь не верил, и тут смеяться начал. Эй, кричит, коли ты Бог, освободи нас! А Дисмас сразу Бога узнал... Тут попы вам иначе все расскажут, будто Дисмас попросил Исусика вспомнить о нем, когда дело до рая дойдет, да в рай его принять. Да не таков был Дисмас. Не о корысти своей он помышлял. То уж попы по себе судят. А хотел Дисмас, чтобы странник тот жалостливый его вспомнил, встречу их ту, да наставление в схроне. Чтоб самому было умереть не тошнехонько, и чтоб Христос избитый от боли своей отвлекся. Вот он и спросил – помнишь ли меня, боже. А Христос глаза открыл, обернулся, да окровавленными устами и улыбается. Прошептал едва слышно: помню. Да дух и отдал.

Огонь на лучине треснул... Вздогнули воры. Молчал старик. Долго молчал. Глухо потом заговорил, как колокол в бурю.

– Что дальше было – любой поп вам расскажет. Гестас за грехи свои да неверие в ад попал, а Дисмас вместе с Христом в рай ушел. Первым человеком после Иисуса в раю вор оказался, что богатые церкви грабил, а нищие – щадил. Запомните это ребята. Ты, Кузька-скоморох, ты, Губач, да ты, Ванька-праведник. А теперь ложитесь поживать ребятюшки.

Спят воры. Ваньке не спится. Выбежал из заимки, да бегом в деревушку. Прибежал во двор приметный, через забор перемахнул, на собаку цыкнул – она и твякнуть не посмела. А у Ваньки руки трясутся, слезы в бороде путаются. Рубли ба-

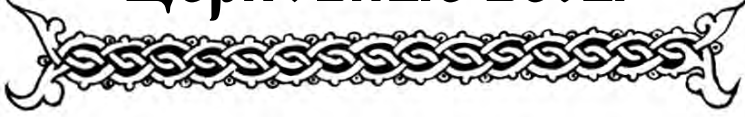
рыжные, за золотой иконостас вырученные, без счета на порог сыплет.

Жил в том доме мужик работающий, да потонул, как Крым-ка-река разлилась. Ни один поп без денег отпевать его не стал, так и схоронили, как приبلуду нечистую. А вдова его с дочкой уж который день без куска хлеба сидят.

– Вот вам, – шепчет Ванька – сам Христос вам посылает. Я никто. Я лишь у Христа в посылных. Живите. Не надо за меня молить Бога: коли он праведен, так и сам меня рассудит. Не купленным человеческим судом, а своим судом Божиим. Только вы живите, да о Боге помните.

ЦЕРКОВНЫЕ БЕСЫ

Холодна по осени степь. Мертвой скифской царевной лежит, в серое небо очами слюдяными смотрит. Ветер, жених ее, рвет от горя тощие деревца, по сухой траве волны трескливые гонит.

Стыло.

Нету в небе солнышка – застили его тучи серые, скрыли. Лишь сердцем чуешь, что за край земли уж оно почти закатилось.

Смеркается.

Сердце алое тоскою рвет. Не чует оно ни птичьего крика, ни зверьего скока. Лишь ветер на голых сопках воет, да гиблая трава, как старые кости, трещит.

Кружат на ветру хоровод четыре беса. Головы рогатые, бороды кудлатые, хвосты крючками завиты, а на ногах копыта, на руках – перепонки, а на груди – божьи иконки.

Скачут бесы, кривляются, на весь свет собой похваляются.

– Мы – бесы церковные, родились под иконами, облатками кормились, святой водой умылись! Не боимся теперь ничего – ни человеческого чуранья, ни крестоцелования!

Первый бес скуфейкой потешается – и так, и этак ее заломит.

– Завещал всем Христос жить набожно, а я всем велю меряться шапошно. Велел Исусик гордыню смирять, а я твержу – надо веру свою над другими поднять! Не смиряются, похваляются, веру свою насаждают – тут и мне попадаются!

Бес второй сулею водочную трясет, капли горькие языком ловит.

– Повелел всем Христос в вере твердыми быть, а я людям шепчу – человеку довеку грешить! Что там с одним твоим грешком, коль у других их целый мешок?! Люди-то и верят! Не покаешься – Богу не угодишь, а не нагресишь – так и не покаешься вовсе! На святой грех их толкаю, а потом в смолу макаю!

Третий бес богомолкой прикинулся – юбкой длинной трясет, зенки из-под платка выкатил.

– Всем Христос обещал кущи райские, кто в грехах своих сумеет раскаяться! А я людям и шепчу: греши, брат, все можно, много раз в церковь бегать не нужно будет – сразу за все прощения получишь! Ох, и бито! Ох, и граблено! Ох, и поругано, и оставлено! Ничего не исправлено, дела доброго не сделано, а люди мнят пустым словом грехи отмолить, обманом рая получить! А что каяться не словом, а подвигом надобно – и не ведают!

Бес четвертый машет саблей казацкой, сверкает сбрую с цацками, нагайкою пощелкивает:

– Ох, и слаб человек! Завещал Христос ни во что не лезть, ничего не иметь, а лишь по людям ходить, да им души лечить! А человеку грешков своих жалко! Думает: вот, грешил я без просыпу, пред богом выслужиться надо да за грешную жизнь! А я шепчу ему: богу не столько твое покаяние угодно, сколько врагов твоих унижение! А тот и рад, что от себя ничего не надо рвать. Ведь легче иноверца избить, чем свой грех из души избыть! И летят нагаешники, крестясь да самогоном рыгая! Лупят плетью женок чужих, да малолеток безответных! По-казацки отводят душеньку! А я им попом кажусь, все грехи за побоище отпускаю! Да что там отпущение, коли бесом дано, да бесовской душе? Сам таких в аду во святой воде кипячу!

Так и скачут дети песьи – черт породы поповской, черт породы казачьей, богомольский черт с глазами рачьими, да безволия бесняк в хороводе пляшет в такт. Над сухой травой летают, да над ухом завывают:

– Слушайте только лишь нас: все иное – бесовский соблазн! Уж наставим мы вас в вере, в своей чертовой манере! К богу люди не дойдут, коли черти в церкви ждут!

Не отгонишь проклятых ни крестом, ни молитвой. Отовсюду тянутся, отовсюду соблазняют. Лишь по делам их и видно, лишь по делам их и отличить: первый веру превыше прочих вер ставит, другой грех оправдывает, третий покаянием торгует, а четвертый наставляет за свои грехи на других ополчаться, именем божьим прикрываться. Под святою облаткой людям свой чертячий навоз пихают. Тьфу!

Мамонт

Велой наледью, черной голодью тянется время. Дни да ночи – как стежки следов на снегу: сейчас есть, а оглянись назад – не отыщешь. Мерзлым камнем да зверьей костью выбиты годы на желтых бивнях. Вся жизнь перед глазами старого мамонта, весь вожацкий опыт. Уйдешь – не забудется, отвернешься – не потеряется.

Вчетвером с юга шли. Баяли старики – далеко на севере есть счастливая земля. Там трава сочная, кора сладкая, вода – как хрустальный звон. Солнце злодейское там от простуды хиреет, жаром давить не смеет. Там праматери тучные, да отцы могучие, а молодым слонятам – и счету нет. Старики с седой шерсти иней стряхивали да головой качали, рассказывая: осерчали во счастливой стране на непослушную молодежь предки, изгнали, да оградилась высокими горами, ледяными стенами, чтоб и духу бунтового до них не доносилось. Вздыхали старые мамонты: и не вспомнить уж, сколько веков с той поры минуло, а все о благой земле память жива.

Вчетвером уходили. Усеялся юг желтой костью мамонтов: задушило их в теплых шубах набравшее злобы солнце, источили хвори неведомые... Да и люди на юге в силу вошли. Раньше только и могли, что слоненка несмышленного скрасть, да сырым сожрать. А ныне – все чаще по густой шерсти норуют огонь погулять пустить: беги, толстоногий, крича от боли, покуда сам не падешь или яма не сломит.

Ноги лед крошат... Каждый шаг – воспоминание. О седмицу назад трое их стало: заглотила жадная пасть полыньи молодого слоненка, серым языком облизнулась, ледяными клыками на мать очерилась – поди сюда, большеухая, будь мне вторым блюдом! Все металась по берегу, все трубила

слониха и ждала – не откликнется ли ее дитяtko? Все толкала плечами отца да мужа – одолейте врага, растопчите, клыками порвите, удушите хоботами, верните сына! Качали головами мамонты – с голодной рекой и всем стадом не управиться, куда уж втроем-то? Поклонились ледяной могилке да дальше пошли. А счастливой земли все не видать...

О пяток дней вдвоем остались: замерла мать, потерявшая сына, не пожелала дальше идти. Все мнилось ей, что стоит ее дитяtko вон за тем сугробом. Нет, вон за тем! Да вон же, за третий убежал! Все трубили ей мамонты издали, от нее отклик лишь слышали. А в вечер вместо нее волки отозвались... А счастливой земли все не видать...

Три дня назад один старик остался. Люди здешние юркие, на дощечках по снегу бегали, в мамонтов стрелы метали. Молодой взъярился – бежал за обидчиками, да увяз в снегу. Распорол костяные копыя людей ему жилы, мертвый снег живой кровью раскрасили... А счастливой земли все не видать...

Поднял голову старик, прислушался. А что шумит вдали? Не деревья ли счастливой страны шумят? Что ревет за сопкой? Не могучие ли прадеды силой хвалятся? Неужто – дошел? Чуть быстрее идти надобно – уж недолго осталось. Как же быть потом? Уж простят ли прадеды грех их правнуков? Примут ли старика повинного? Не спросят ли, отчего один дошел?

Не спросят. Нет счастливой страны. Лишь волны горькие от самого неба бегут, в скалах ревут, ему в лицо горстями льдинки швыряют. Где ты, счастливая страна? Затопила ли тебя вода поедучая? Скрали ли люди хитрые? Аль само злое солнце растопило тебя? Или не было тебя и вовсе, а старики наши сказками себя тешили?

Нет ответа. Лишь от волн насмешливый рев.

* * *

– Это был очень старый мамонт, – Илмар подал внучку бивень, – он почти год разговаривал с волнами. Знать, в своем

народе он был великим шаманом. Потом волны забрали его сердце, а я взял его зуб.

Глаза внучка угольками заблестели в полумраке чума:

– Деда, а разве шаманы просто так умирают?

– Нет, внук, – улыбнулся Илмар, – когда приходит время осенних бурь, я слышу над шумом его голос.

В свете очага чуть блеснула желтоватая кость. На обломке бивня кремневый резец изобразил мамонтов – двое старших и один слоненок куда-то брели вслед за огромным вожаком...

